

МУЗЕЕФИКАЦИЯ ПРОВИНЦИИ

О. Ч. Реут, Т. П. Тетеревлёва

Реут Олег Чеславович (Петрозаводск, Россия) — кандидат технических наук, доцент кафедры истории стран Северной Европы Петрозаводского государственного университета;
E-mail: olegreut@psu.karelia.ru

Тетеревлёва Татьяна Павловна (Архангельск, Россия) — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Северного (Арктического) Федерального университета имени М.В. Ломоносова; E-mail: tat_tet2010@gmail.com

НАСЛЕДИЕ ИЗНАЧАЛЬНО ЦИФРОВОЙ ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Рассматривается условность сохранения изначально цифрового наследия повседневности в условиях современного медиаполиса. Принципиальная незавершённость, многократность копирования и, следовательно, ограничение «подлинности» исторических источников актуализируют проблемы их музеефикации.

Ключевые слова: Медиаполис, новые медиа, изначально цифровые источники, музеефикация наследия повседневности

O. Reut, T. Teterevlyova

Oleg Reut (Petrozavodsk, Russia) – PhD in Technical Sciences, Associate Professor at Petrozavodsk State University, Department of History of Countries of Northern Europe; E-mail: olegreut@psu.karelia.ru

Tatyana Teterevlyova (Arkhangelsk, Russia) – PhD in Historical Sciences, Associate Professor at the Northern (Arctic) Federal University, Department of Russian History; E-mail: tat_tet2010@gmail.com

THE HERITAGE OF THE BORN-DIGITAL URBAN EVERYDAY LIFE

The paper discusses the conventional nature of preserving the digital-born heritage in the environment of the modern mediapolis. The principal incompleteness, multiplicity of replications and, hence, the limitation of “authenticity” of historical sources actualize the problems of their museumification.

Keywords: mediapolis, new media, born-digital heritage of the everyday life

Современные медиаполисы предъявляют требования к пересмотру социетальных представлений о формах сохранения наследия повседневности в медиатизированных городских про- странствах. Историческое в городском контексте определяется не только сферой воспроизводства исторического сознания, но и усложняющимися взаимоотношениями практик повседневности и

МУЗЕЕФИКАЦИЯ ПРОВИНЦИИ

новых медиа. Требуют обоснованной корректировки и исследовательские перспективы, ориентированные на изучение способов и методов культурно-познавательной репрезентации. Деление реальности на объективную и субъективную, «открываемую» и социально конструируемую, «сакрализованную» и повседневную, материальную и виртуальную не является более достаточным. Рассматривая сложноподчинённость выделяемых объектов, представляется обоснованной постановка вопроса о поиске критериев соответствия или несоответствия их дискурсивных описаний, а также возможным согласованиям различных типов реальностей.

Изучение репрезентаций городской повседневности неразрывно связано с анализом медийной самоорганизации. Очевидно, что наряду с общими подходами к познанию наследия повседневности должны быть выявлены специфичные приёмы работы с *born-digital*, т.е. изначально цифровыми источниками. Следовательно, стоящая перед теорией музеефикации пространства проблема как раз и состоит в том, чтобы выяснить возможности медиатизированных форм познания, научиться и научить сочетать их в исследовательских и образовательных практиках, соблюсти баланс между конструированием объективистских универсалий и описанием, повествованием, субъективными интерпретациями.

Традиционно освоение, репрезентация и актуализация наследия повседневности определяется ценностными доминантами общественного сознания и одновременно их же и определяет. В первую очередь это связано с тем, что историки и музеееды занимаются в первую очередь смыслами, которые вполне могут противопоставляться информации, и поскольку одним из свойств смыслов выступает открытость для интерпретаций, приоритетная задача заключается не в том, чтобы определить и последовательно исчерпать свои объекты изучения; напротив, сформировать обстоятельства, когда результаты будут выступать объектом реинтерпретации.

Опора на подлинность культурных ценностей, доверие к практике сохранения и уверен-

ность в выверенной точности интерпретации при сохранении возможности множественной реинтерпретации создают своеобразные направляющие для процесса формирования мировоззрения горожанина. Его самореализация происходит через творение культурного феномена, которое вбирает в себя системоопределяющую культурную традицию и тем самым маркирует процесс индивидуальной переработки опыта.

Освоение наследия городской повседневности, его материальных объектов и нематериальных феноменов требует от горожанина не только больших усилий по овладению приёмами анализа артефактов, но и достаточного объёма знаний, необходимых для понимания содержательной стороны наследия, его бесконечно усложняющегося языка смыслов. При этом происходит своеобразный разрыв в постижении феноменов реального наследия и тех, которые реализуются только в цифровом формате.

Казалось бы, при формировании образной, визуальной системы познания, которая «запускает» творческие процессы в сознании горожанина, можно выделить и локализовать предпосылки для становления основ организации художественно-эстетических ценностей, в которой реальность переосмысливается, изменяется и дополняется. Ведь образное освоение реального мира смыслов уже стало видовой характеристикой современного человека. Вместе с тем знаковая система, выстроенная как изначально цифровая, предполагает не просто наделение предметного мира дополнительными ценностями через разработку практики трансляции опыта повседневности. Сама предметность деформируется, поскольку не является работающей конструкцией, в соответствии с которой выделяется мир первой естественной реальности, становящийся основой для возникновения виртуальной реальности, существующей только в сознании человека, но опирающейся на объективную реальность. Другим словами, изначально цифровая знаковая система не подразумевает виртуализацию реального многообразия. Чёткое различие знаков и смыслов оказывается не востребовавшимся и даже невозможным. Исчезновение этапа дигита-

МУЗЕЕФИКАЦИЯ ПРОВИНЦИИ

лизации констатирует не её дефицит, а утрату различия реальности и знака.

Считается, что основным, если не единственным способом поддержания соответствия между реальным познанием наследия повседневности и его виртуальным образом остаётся традиция. Чем консервативнее отношение к традиции, тем однозначнее и дольше сохраняются объекты наследия в своей подлинности.

Однако изменение обстоятельств массовой коммуникации, при которых последняя представляется специфическим видом социальных отношений, регулирующим производство и распространение ценностных парадигм, в значительной мере влияет на актуализацию объектов наследия городской повседневности XXI века. Маркерами такого процесса выступают гипертекстуальность и кроссмедийность [4]. Обе характеристики, наряду с открытостью, доступностью, интерактивностью, мультимедийностью, оперативностью и измеримостью всех коммуникационных взаимодействий, являются особенностями новых медиа. Гипертекстовой природой, которая предусматривает возможность продвижения в пределах исторического нарратива множественными и зачастую непредсказуемыми маршрутами и порождает ощущение свободы и полной самостоятельности интерпретаций, фиксируется связанность предметно-смыслового поля. Кроссмедийность же устраняет привязку информационно-коммуникационного взаимодействия к конкретному медиасредству.

Не менее важно и то, что на базе взаимоопределяющих отношений практик повседневности и новых медиа складываются новые поведенческие установки, предопределённые появлением особой среды обитания, которая изменяет сложившиеся в социумах ритмы функционирования, стандарты потребления, экономические модели, эстетические образы. Как город не может игнорировать новые функции, новые слои информации, так и практики повседневности выделяют из себя то, что может быть определено и репрезентировано в качестве наследия, а значит, и музеефицировано.

Среди музейных работников появляется убеждение, что обобщить опыт сохранения циф-

рового наследия в информационном обществе практически невозможно в связи с тем, что инструментальные преимущества технологий оцифровывания нивелируются методологическими трудностями охранных практик. Фиксация и презентация объектов наследия, представляющие собой перевод в электронные копии, имеют мало общего с изначально цифровыми источниками. По существу, рассматриваемая разница была закреплена при переходе от рассмотрения Интернета как глобальной сети передачи данных и сети сетей к восприятию Интернета как коммуникационно-социализирующегося пространства.

Историческое перестало было непосредственно связанным с копийным контентом Интернет-сайтов и порталов. Первоначально дискурс выстраивался с ориентацией на размывание границы между подлинным и тиражируемым. В центре внимания оказывались вопросы соотношения Интернет-компиляции и массовой культуры. Но уже довольно быстро пришло понимание, что в обсуждаемых обстоятельствах музейная коммуникация, основанная на подлинных смыслах, больше не создаётся, а инсценируется. Примерами этому могут служить как сценарные решения исторических музейных экспозиций, так и современные архитектурные проекты, разворачивающиеся в городском ландшафте.

Рост популярности виртуальных музеев и приложений для мобильных гаджетов оказался следствием существенных перемен во временной ориентации общественной жизни современных городов. Активизация обращения к прошлому была обусловлена, в числе прочего, признанием исторической памяти ключевым компонентом при формировании коллективной идентичности и проистекающими из этого попытками выстроить консолидирующий образ городской истории, выработать унифицированную или, по меньшей мере, консенсусную интерпретацию исторического прошлого.

При этом Интернет-пространство стало не только чем-то отражающим опыт поиска консолидирующих интерпретаций истории, но и, наряду с традиционными городскими музеями, активно

МУЗЕЕФИКАЦИЯ ПРОВИНЦИИ

их конструирующим. Новые цифровые технологии требуют адаптации всех материалов к специфическому языку Интернета и его сервисов, что, безусловно, влияет на способы репрезентации прошлого.

Помимо этого, по справедливому замечанию В. Зверевой, «Инет-общение» производит новые ритуалы поддержания солидарности в сообществах — совместного припоминания и оплакивания, высмеивания чужих версий истории» [1]. В данном контексте интерес представляют как тематические сообщения в новых медиа, так и их комментирование/обсуждение пользователями, где проявляется такая особенность интерактивной сетевой коммуникации, как многосубъектный характер производства и репродукции дискурса. Участие в подобном «соавторстве» не замкнуто пространственными границами, очерчивающими пределы городского поселения. В связи с этим уместно говорить не только о собственно урбанистическом сегменте Интернета, но и о рассредоточенных по миру пользователях, идентифицирующих себя с горожанами.

Характер репрезентации городской повседневности во многом определяется необходимостью нового «освоения» истории, а вернее — способов её «присвоения» коллективной исторической памятью горожан. Концепт «присвоение истории» в последнее время нередко используется для осмысления сущности исторической памяти и исторического сознания, для понимания особенностей их эволюции, особенно в сложные, переходные периоды деформации социокультурной ткани. Смысл его не сводится к метафорическому обозначению очевидных попыток политического манипулирования историческим знанием; он включает в себя и многообразные социальные практики интериоризации культурно-исторического опыта. Потребность в «присвоении истории» определяет специфику форм репрезентации практик повседневности.

Одной из основных форм оффлайновой репрезентации городской истории становятся считающиеся интерактивными выставки. Этот выбор оказывается неслучайным в контексте «присво-

ения прошлого». Выставочная экспозиция на историческую тему, выстроенная определённым образом, способна задавать «контуры «мы» как внеисторической этнокультурной общности» [2]. Выставки призваны не столько уточнять знание о прошлом, сколько формировать его эмоционально-позитивный образ на основе стереотипизированных представлений. В результате прошлое города становилось не предметом «исследующего и объясняющего» историописания, но наследием, которое «упрощает и проясняет» [3].

С одной стороны, оффлайн-мероприятия вызывают противоречивую реакцию, подтвердив раскол аудитории на «партию Интернета» и «партию телевизора». С другой — репрезентация прошлого, ориентированная на погружение в его материальный и символический аспекты и проявившаяся в Интернете задолго до подобных выставок, оказывает существенное влияние на репрезентацию повседневности, актуализируя своеобразные способы действий по «присвоению истории». В данном контексте, говоря о представлении городской истории в Интернет-пространстве, наряду с собственно историописанием как «медиатизируемой», «публичной» историей следует упомянуть ностальгические практики.

Но вернёмся к обсуждению изначально цифровых источников. Их важнейшая особенность — принципиальная незавершённость, что затрудняет не только их восприятие, но и возможность музеефикации. В определённом смысле историческое не реконструируется, а деконструируется, поскольку потенциально имеющаяся для сохранения в «подлинном» историческом источнике информация априорно ограничивается. Вне сомнений, есть огромный соблазн предпринять радикальный шаг и заявить тезис о смерти подлинности. Возможности анимации и монтажа, наряду с многократным копированием изначально цифровых объектов, которые, собственно говоря, только так рождаются и существуют, заставляют предпринять попытку пересмотра столь важных категорий, как подлинность, аутентичность и уникальность. В какой мере подобная трансформация представлений «ослепляет» исследователя, ориентированного на

МУЗЕЕФИКАЦИЯ ПРОВИНЦИИ

изучение способов и методов культурно-познавательной репрезентации?

В принципе, существуют два принципиальных ответа на данный вопрос. Первый предлагает согласиться с закреплением в сознании и исследователя, и массового зрителя «глянцевого» образа нового виртуального объекта наследия повседневности. В этом случае вся кропотливая работа с источниками, направленная на определение точности интерпретации при сохранении возможности реинтерпретаций, практически девальвируется. Можно даже заключить, что исследовательский сценарий взаимодействия с источниками замещается игровым. Это создаёт иллюзию, казалось бы, целостной реальности, способной заменить эмпирическую, но при этом предельно сужается проблемное поле. Подобное «скольжение» по поверхности (не удивительно, что образ сёрфинга последовательно вытеснил представление о так называемой «кликерной активности» Интернет-пользователей) лишь дополняет и без того перегруженную «необязательными» визуальными образами повседневную жизнь современного горожанина.

Второй ответ исходит из безусловности требований сохранения подлинности культурных ценностей. Но тогда актуализируется следующая задача: как музеефицировать не только нематериальное, но и постоянно завершаемое? Если изначально цифровой образ городской повседневности всё активнее дополняет систему новых визуальных образов наследия повседневной жизни медиатизированного города, то как именно переформатировать практики актуализации прошлого при инкорпорировании их в музейную сферу? Где проходит символическая черта, разделяющая адекватную замену, допустимо возможную и единственно возможную?

В заключение стоит отметить, что проблематика сохранения изначально цифрового наследия вывела в разряд актуальных проблемы визуализации и видоизменения в зависимости от постоянного приращения поступающего в режиме реального времени контента. Это служит иллюстрацией разнообразия исторического прошлого и, в тоже время, неуниверсальности практик музеефикации.

При организации установленной последовательности из хаоса неограниченного информационного потока с помощью интерфейсов реализуется попытка упорядочивания. Но одновременно сообщения, становящиеся нарратологическими «единицами», перестают быть «единицами» репрезентации. Указанное изменение актуализирует парадигмальный сдвиг, при котором история города, начав с обоснования природы повседневного мира, самоограничивается тезисом феноменологов: повседневность есть единственно реальный мир. Другими словами, от выделения *исторического* в повседневном происходит эволюционный переход к пониманию отсутствия *исторического* за пределами повседневных взаимодействий и нерелективных практик, так как *историческое* окончательно «растворяется в плавильном котле повседневного».

Литература:

1. Зверева В. Сражения за память, войны воспоминаний. Научный семинар «Война памяти: культурная динамика в России, Польше и Украине» // Новое литературное обозрение. 2011. № 107. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/107/zv51.html> [10.07.2014]
2. Куприянов П. С. Боярский быт, русский дух и освоение прошлого в историческом музее // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. — С. 43 – 51.
3. Лоуэнталь Д. Прошлое — чужая страна. — СПб.: «Владимир Даль», 2004. — 624 с.
4. Реут О. Ч., Тетеревлёва Т. П. Практики и принципы освоения социально-гуманитарного знания со стороны digital natives // Науки о культуре в перспективе «digital humanities»: Материалы междунар. конф. — СПб.: Астерион, 2013. — С. 78 – 87.